

УДК: 811.111'42

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ИНТЕРТЕКСТА

Н.Н. Чуприна, канд. филол. наук (Харьков)

В статье выявлены основные разграничения между такими понятиями как интертекстуальность и интертекст, которые рассматриваются как разнопорядковые понятия, что репрезентуют процесс и результат этого процесса. Интертекст трактуется как внутритекстовый феномен. Под интертекстуальностью понимаются диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки (интертексты) к предшествующим текстам.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, разнопорядковые понятия, внутритекстовый феномен, диалогические отношения.

Н.М. Чуприна. Дифференціація категорій інтертекстуальності та інтертексту. У статті виявлені основні розходження між такими поняттями як інтертекстуальність та інтертекст, які розглядаються як різнопорядкові поняття, що репрезентують процес і результат цього процесу. Інтертекст трактується як внутрішньотекстовий феномен. Під інтертекстуальністю розуміються діалогічні відносини, при яких один текст містить конкретні і явні відсилання (інтертексти) до попередніх текстів.

Ключові слова: інтертекстуальність, інтертекст, різнопорядкові поняття, внутрішньотекстовий феномен, діалогічні відносини.

N.N. Chuprina. Differentiation between the category of intertextuality and intertext. This article specifies the basic differences between the category of intertextuality and intertext that are regarded as different notions to represent process and its result. Intertext is defined as an intratextual phenomenon. Intertextuality is interpreted as dialogical relations under which one text contains a specific and explicit reference (intertexts) to the preceding text.

Key words: intertextuality, intertext, as notions of different order, intratextual phenomenon, dialogical relations.

Категории интертекстуальности и, соответственно, интертекста, как показывает анализ теоретического материала, заменили такие описательные названия, как источники, заимствования, реминисценции, схождения, отталкивания, традиция, отказ от традиции, следование образцу, “развитие не от отца к сыну, а от дяди к племяннику” [12, с. 11].

По нашему мнению, недостатком в определении терминов “интертекст” и “интертекстуальность” является их взаимозаменяемость при использовании, что свидетельствует о том, что эти понятия еще находятся в процессе становления.

Актуальность предпринимаемого исследования состоит в том, что как в зарубежной, так

и в отечественной лингвистике не существует четкого теоретического разграничения данных понятий, в результате чего они нередко отождествляются.

Цель данного исследования состоит в дифференциации понятий интертекстуальности и интертекста.

Объектом данной работы являются категории интертекста и интертекстуальности.

Предметом изучения выступают специфические черты, разграничивающие категории интертекста и интертекстуальности.

Новизна данной работы состоит в том, что интертекст и интертекстуальность рассматриваются как разнопорядковые понятия, обозначающие процесс и результат этого процесса.

Возникновение данных терминов обусловлено стремлением лингвистов определить границы текста. Так, Ю.М. Лотман писал о неустойчивости и размытости границ уже напечатанного текста, поскольку при определении их должны привлекаться многочисленные критерии и категории, начиная от авторских установок и концептов до эстетико-философских пристрастий эпохи, которые не всегда находят словесное выражение в тексте [9, с. 112]. Таким образом, концептуальные границы текста имеют тенденцию к расширению и к образованию бесчисленного числа связей.

Невозможность для отдельного текста существовать самостоятельно вне литературного, исторического и культурного контекстов приводит, по мнению Ю.М. Лотмана, к подключению его к различным знаковым системам и кодам [там же, с. 8, 204]. Тенденция отдельно взятого текста существовать только во взаимосвязи с другими текстами и привела к возникновению теории интертекстуальности.

Существенный вклад в исследование феномена интертекстуальности внесли работы М.М. Бахтина, который развивал свою теорию “диалогизированного сознания”, или диалогичности текстов, применительно к жанру романа. Диалогичность состоит и в том, что каждое высказывание может рассматриваться как ответ на все предыдущие высказывания в данной сфере. “Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами” [2, с. 364].

Ученый исследовал диалог в области слова, “в котором воплощаются отношения сознаний в жизни, – роман изображает эти отношения сознаний, сам строится на них” [11, с. 9]. По мнению М.М. Бахтина, все прозаические жанры должны пониматься как диалогические. Полифония проявляется в амбивалентности и диссонансе голосов, текст открыт как потенциально незаконченный диалог, он ссылается на внетекстовые системы норм и ценностей, которые проявляются в этих голосах [2, с. 364].

Иными словами, создание языковых конструкций “текст в тексте” связано с активной установ-

кой автора на диалогичность, которая позволяет ему не ограничиваться лишь сферой своего субъективного, индивидуального сознания, а вводить в текст одновременно несколько субъектов высказывания, которые оказываются носителями разных художественных систем [13, с. 8].

В своих работах М.М. Бахтин поднял проблему существования ряда элементов, определяющих стабильность и узнаваемость определенных текстов / жанров. Для описания таких элементов им был предложен термин “память жанра” [11, с. 9]. Концепция “памяти жанра” М.М. Бахтина предполагает, что в основе жанра лежит определенный фонд неумирающих элементов архаики, который реализуется на каждом новом этапе развития и в каждом индивидуальном тексте [там же].

Мы полагаем, что устойчивость жанра на всех этапах его исторического развития объясняется сохранением и обновлением таких элементов “памяти жанра” – его типологических признаков – его жанрово-стилевой доминанты.

Данная концепция в определенном преломлении является фундаментальной для разработки теории интертекстуальных отношений. Если применить данную концепцию диахронического развития жанра для рассмотрения отдельных текстов в плане синхронии, возникнет понимание того, что у каждого художественного текста есть ряд устойчивых вербализуемых характеристик, обеспечивающих его узнавание.

Ю. Кристева расширяет понятие диалогичности, разработанное М.М.Бахтиным. Она также считает, что текст можно рассматривать как общество или как историко-культурную парадигму. Кроме того, текст – в процессе интертекстуализации – сам постоянно абсорбируется и трансформируется, создается и переосмысливается. Поэтому данный процесс является гарантией открытости текста [17, с. 6].

Любой текст, как мозаика цитации, представляет собой продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности [там же, с. 6].

Для познающего субъекта интертекстуальность – это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее [13, с. 10]. Такое понимание феномена текста становится важным для нового и радикально интертекстуального способа повествования [5, с. 97–112].

Тот факт, что теория интертекстуальности есть теория отношений между текстами, является неоспоримым, спорным представляется вопрос о многообразии подходов к определению понятий “интертекст” и “интертекстуальность”.

Разделяя в целом подходы отечественных и зарубежных лингвистов относительно природы, функционирования и анализа интертекстуальности и интертекста, мы считаем необходимым развести эти два понятия.

В.П. Руднев определяет интертекст как “основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам” [10, с. 113]. Данное определение, как видно, акцентирует внимание на репрезентативном аспекте интертекста, т.е. “смотрит” на интертекст как бы изнутри текста.

М.М. Бахтин и Ю.М. Лотман подходили к интертексту с обратной стороны – от надтекстового универсума. “Кроме коммуникативной функции, – пишет Ю.М.Лотман, – текст выполняет и смыслообразующую, выступая в данном случае не в качестве пассивной упаковки заранее данного смысла, а как генератор смыслов <...> ...” [9, с. 58–76].

С.Б. Кураш определяет интертекст как вне – и внутритекстовый феномен, который может поглощать текст снаружи (обволакивать его, существовать вне данного текста), и включаться в него серией специальных приёмов, достаточно хорошо описанных в научной литературе (аллюзия, реминисценция, цитата и др.) [8, с. 121]. Однако мы полагаем, что это определение не точно отражает природу интертекста, поскольку данный феномен не может существовать за пределами текста.

Таким образом, интертекст будем трактовать как внутритекстовый феномен. Текст, внутри которого находится интертекст, приобретает мозаичную модель композиции или модель типа “матрешка в матрешке” [4, с. 29].

Интертекст, в отличие от текста, по мнению Ю.М. Лотмана, является “...не изолированным текстом, а текстом в контексте, текстом во взаимодействии с другими текстами и с семиотической средой” [9, с. 58–76].

Под интертекстуальностью будем понимать диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки (интертексты) к предшествующим текстам.

Ни один текст не может возникнуть на пустом месте, он обязательно связан с уже имеющимися текстами.

Все, что было уже сказано, написано, является базой, основанием, необходимой предпосылкой и условием существования для вновь создаваемых вербальных текстов, а, значит, является системообразующим фактором при создании речетворческого произведения.

Данная трактовка интертекстуальности получила реализацию в исследованиях Н.А. Фатеевой [13], Н.А. Кузьминой [7], В.Е. Чернявской [15].

Интертекстуальность получает конкретное воплощение в разнообразных видах и формах межтекстового взаимодействия, специфика которых определяется функционально-стилистической принадлежностью текстов, а также их типологическими особенностями внутри одной сферы коммуникации.

Р. Барт объяснял феномен интертекстуальности “подвижностью текста” [1, с. 379]. Он полагал, что текст по природе своей должен сквозь что-то двигаться, через произведение или ряд произведений. Текст подлежит наблюдению не как законченный продукт, а как идущее на наших глазах производство, подключенное к другим текстам, другим кодам, связанное тем самым с обществом, с историей, но связанное не отношениями детерминации, а отношениями цитации [там же, с. 383–384].

Не все западные ученые разделяют взгляды постструктуралистов на интертекстуальность.

Интертекстуальность может быть рассмотрена как факт соприсутствия в одном тексте двух или более текстов, реализующихся в таких приемах, как цитата, аллюзия, плагиат и др. [16, с. 340].

Однако такой взгляд на теорию интертекстуальности представляется нам искусственно ограниченным: феномен интертекстуальности вмещает в себя не только факт заимствования элементов существующих текстов, но и наличие общего единого текстового пространства.

Именно при условии существования единого текстового пространства становится очевидной возможность для текстов свободно проникать друг в друга с помощью интертекстов: цитат, аллюзий, реминисценций и т. д.

При интертекстуализации происходит поглощение вторичным текстом текста первичного, при этом центрация как принцип, определяющий логику осмысления вторичного текста, навязывается автором данного вторичного текста, что находит выражение в его прагматической структуре.

В рамках теории интертекстуальности также переосмысливаются взаимоотношения автора и текста, а также функции автора и реципиента по отношению к самому тексту.

Концепция текста, согласно которой текст благодаря своим средствам выражения и кодам означает намного больше, чем конкретный знак мог бы определить, логически привела к провозглашению Р. Бартом тезиса о “Смерти Автора” и рождении “Скриптора” [1, с. 379]. Скорее всего, правомерно вести речь не об исчезновении автора как такового, а об изменении качества авторского сознания.

Согласно формулировке Р. Барта, Скриптор “рождается одновременно с текстом и у него нет никакого бытия до и вне письма, он отнюдь не тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом” [там же, с. 380]. Письмо являет собой “единственно возможное пространство, где может находиться субъект письма” [там же, с. 381].

Смена категории авторства в эпоху постмодернизма напрямую связана с новым пониманием проблемы восприятия текста. Текст начал восприни-

маться как объект вольной интерпретации реципиента, который одинаково допускает как “правильные”, так и “неправильные” прочтения [6, с. 120].

Эту идею отображает Х. Борхес в своем эссе “Книга песка”. В его понимании текст – это книга без начала и конца, которая создает свой универсум, который поглощает и растворяет в культуре обыденность [3, с. 520].

Текст является многоуровневым построением. В процессе интертекстуальных взаимодействий актуализируются его различные составляющие.

План языковой актуализации предполагает рассмотрение лексико-грамматических и стилистических средств выражения составляющих всех прочих планов художественного текста. План композиции можно назвать “субстанциональной формой” художественного текста, риторической / повествовательной структурой, выражающей связь языковых элементов в движении континуума и имеющей собственную специфику их сцепления [14, с. 154].

План сюжета намечает анализ соотношенности и последовательности единиц содержания в ходе повествования и отражает референтно-фабульный характер повествования в целом. План подтекста понимается как слой “предметно непредставимого”, радиация ассоциативных связей текста, как фоновая или локальная импликация, отражающая потенциал текста к интертекстуальным связям [там же]. В каждом из указанных планов могут реализовываться элементы, служащие узнаванию данного текста и стабилизации его образа в памяти реципиента.

Таким образом, одной из наиболее актуальных проблем современной лингвистики является проблема декодирования и восприятия смысла художественного текста. Интертекстуальность и интертекст – это разнопорядковые понятия: при этом не только автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных текстов, но и адресат верно определяет авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотношенности. Поэтому закономерно, что на современном этапе принципиальной установкой лингвистики является дальнейшая разработка четкого тео-

ретического разграничения категорий интертекстуальности и интертекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Від твору до тексту / Р. Барт // Слово. Знак. Дискурс: Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. [зб. наук. праць / наук. ред. М.Зубрицька]. – Львів : Літопис, 1996. – С. 378–384.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Михаил Михайлович Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
3. Борхес Х.Л. Собрание сочинений в 4-х т. / Хорхе Луис Борхес; [сост., пер., примеч. В. Андреев]. – М. : Амфора, 2005. – 704 с. (1970–1979, т. 3).
4. Брудный А.А. Психологическая герменевтика : [учебное пособие] / Арон Абрамович Брудный. – М. : Лабиринт, 1998. – 336 с.
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник МГУ, 1995. – № 1. – С. 97–124.
6. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия / Илья Петрович Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.
7. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Наталья Арнольдовна Кузьмина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 268 с.
8. Кураш С.Б. Метафора и её пределы: микроконтекст – текст – интертекст / Сергей Борисович Кураш. – Мозырь : МозГПИ, 2001. – 121 с.
9. Лотман Ю.М. К построению теории

взаимодействия культур / Ю.М.Лотман // Избранные статьи / Ю.М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – 479 с. (Статьи по семиотике и типологии культуры, т.1)
10. Руднев В.П. Ноги в культуре / В.П. Руднев // Прочь от реальности: исследования по философии текста / В.П. Руднев. – М. : Аграф, 2000. – 432 с.
11. Рымарь Н.Т. Введение в теорию романа / Николай Тимофеевич Рымарь. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 268 с.
12. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Юрий Николаевич Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 574 с.
13. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов / Наталья Александровна Фатеева. – М. : Агар, 2007. – 280 с.
14. Черновол-Ткаченко Р.С. Актуализация сюжетной составляющей концепта прецедентного текста в процессе интертекстуальных взаимодействий / Р.С. Черновол-Ткаченко // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна, 2006. – № 726. – С. 153–158.
15. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации (на материале немецкого языка) : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Валерия Евгеньевна Чернявская. – СПб., 2000. – 448 с.
16. Genette G. Palimpsestes: La litterature au second degre / Gerard Genette. – Paris : Seuil, 1982. – 467 p.
17. Kristeva J. La revolution du langage poetique: L'avangarde a la fin du XIX-e siecle / Julia Kristeva. – P. : Seuil, 1974. – 645 p.